

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Приятный сонъ! Покойной ночи! Вы жъ, читатель милый, Пожалуйте,—иначе принужденъ Я буду васъ удерживать (здѣсь) силой... Романъ, впередъ!.. Не хочеть?—Ну, такъ онъ Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ. Покуда Хочу я рассказать, кто онъ, откуда, Кто мать его была, и кто отецъ, Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ, Какъ онъ попалъ въ позорную обитель, Кто былъ его лакей, и кто учитель.

L.

Его отецъ—симбирскій дворянинъ, Иванъ Ильичъ N. N.—овъ, мужъ дородный, Богатаго отца любимый сынъ,— [ный Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природ- И, что ума полезнѣй, важный чинъ; Съ четырнадцати лѣтъ служилъ, и съ миромъ Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;— А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ Былъ человѣкъ, и слѣдственно уменъ. Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ, Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья; Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ; Ни на кого не обращалъ вниманья И не носилъ приличія веригъ. Однако же предъ знатно горделивой Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво,— Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ Неумолимо требовалъ поклонъ; А кланяться закону или вельможѣ— Считалось тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, за то и самъ Почтильность вознаграждалъ улыбкой, И, равностный хотя угодникъ дамъ, Женился, по словамъ его, ошибкой. Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ Открыть, а знаю только (не соврать бы), Что былъ онъ грустенъ на другой день И что печаль его была одна [свадьбы, Изъ тѣхъ, какими жизньъ мужей полна. По мнѣ, они большіе эгоисты,— Все женъ винять, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благодари меня, о женскій полъ! Я—Демосеенъ твой: за твою свободу Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ На всю, на всю рогатую породу! Кто власть имъ далъ?.. Возстаньте,—часъ Я поднимаю знамя возмущенья. [пришелъ! Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье! Конецъ всему есть! Беззаботно явно Идите вслѣдъ за Марьей Николавной! Понять меня, я знаю, вамъ легко, Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко;

Ну, и краснѣть умѣете ужъ кстати Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи...

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою По старому обычаю. Безъ лести Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю, По правиламъ тогдашней старой чести. Проказница жъ жена, не утаю, Читатъ любила нѣжные романы, Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Дианы. Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра. А мѣсяцъ и романы до добра Не доведутъ,—отъ нихъ мечты родятся... А искушенью только бѣ подобраться!

LV.

Она была преласкомый кусокъ И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлюю. Какъ бытъ: пчела садится на цвѣтокъ, А не на камень. Чувствую и веселью Казенныхъ не назначено дорогъ. Но въ брачной жизни Марья Николавна Была, какъ надо, ласкова, исправна. Но, говорить,—хоть, можетъ-быть, и лгутъ,— Что долгъ супруги—только лишній трудъ. Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ На самой на горѣ, противъ собора. При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ, И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора, Какъ инвалидъ съ георгиевскимъ крестомъ. Но нѣкогда съ кудрявыми главами Вдолъ стѣны колонны высились рядами; Прозрачною рѣшеткой окруженъ, Какъ клѣтка, между нихъ висѣлъ балконъ, И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ Виднѣлися гардины прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ Пестрѣли разноцвѣтныя клеенки, И люстры отражались въ зеркалахъ, Какъ звѣзды въ лужѣ; москы и болонки Встрѣчали шумно каждого въ дверяхъ. Одна другой несноснѣе, и далѣ Зеленый попугай, порхая въ залѣ, Кричалъ безстыдно: „Кто пришелъ?... Дуракъ!“ А гость съ улыбкой думалъ: „какъ не такъ!“ И, ласково хозяйкой принимаемъ, Черезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ: Налѣво, то-есть къ западу, рядами Блистали кровли, трубы и потомъ Межъ ними церковь съ круглыми главами И кое-гдѣ въ тѣни—отрада днемъ,— Уютный садъ, обсаженный рябиной. Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной, Какъ дѣтская игрушка, если вамъ Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ